

оценок. Интересный и умный собеседник, будь то экскурсовод, библиотекарь, консультант лишь предлагает вниманию каждого вошедшего неопровержимые факты и тем самым, предоставляет возможность свободному развитию мысли посетителя и личностной оценки преподнесенного информационного материала. Эти же принципы заложены и в систему работы со слушателями семинаров.

Е. А. ПОЛЕТАЕВА

«Царская» книга и верхотурский протопоп Иван Михайлов (реконструкция книжной записи XVII в.)

Маргиналии (книжные записи) являют собой интереснейший, нередко уникальный, и до настоящего времени в должной степени не оценённый исследователями историко-культурный источник. Находясь вне основного текста книги, обычно, на её «рабочих» — нижних полях, они более других «письмен» подвергались случайной, либо умышленной порче. Нижние поля страниц от перелистывания быстро ветшали и при каждом новом переплетении кодекса подрезались (вместе с маргиналиями), а новые книжные владельцы в силу разных причин нередко избавлялись от записей, оставленных прежними хозяевами. Поэтому уверенное прочтение даже одной маргиналии порой нелёгкая задача, которая требует особо бережного подхода с привлечением к исследованию немалого количества дополнительных источников.

Для изучения урало-сибирской истории особый интерес представляет обращение к книжным записям, имеющим региональную географическую привязку. На книгах из коллекции Лаборатории археографических исследований УрГУ таких записей немало¹. В данной статье речь пойдет о реконструкции лишь одной из урало-сибирских маргиналий.

На Учительном Евангелии, изданном в Москве на Печатном дворе 20 июля 1662 года, имеется полистная запись, выполненная канцелярской скорописью последней трети XVII в. Запись располагается на нижних полях листов, поэтому изрядно пострадала

при обрезке книжного блока под новый переплёт — у многих слов сохранились только верхние части строчных и выносные буквы. Отдельные фрагменты текста, заклеенные полосками бумаги при позднейшем «поновлении» книги читаются только при просвечивании. Тем не менее, удалось полностью восстановить маргиналию, текст которой гласит: «179-го (1670 г.) декабря в 25 день [по указу государя царя] и велик[о]го к[няз]я Алексея Михаил[ов]ича всеа Великия и Малыя [и Белья] Роси[и] самодержца] дана сия книга из Прик[а]зу [ево государевых Тайных дел] в С[и]б[и]рь в це[рков]ь Пресвятые и Живоначальные Тр[оиц]ы что на Верх[о] т[ур]ье». Прямо за записью следует дополняющая её, и так же почти полностью вытертая помета: «Пр[и] п[р]о[т]опопе тоя святыя церкви ...]»².

Попытаемся максимально подробно (насколько позволяет объём нашей статьи) прокомментировать маргиналию. В фактах того, что царь Алексей Михайлович пожертвовал книгу в Троицкий собор далёкого сибирского города Верхотурья, а сама книга была «дана ... из Прик[а]зу [ево государевых Тайных дел]» нет ничего удивительного. Подобных записей о «царских» вкладах на старопечатных книгах в архивах и библиотеках страны до настоящего времени сохранились сотни. В XVII в. Московское государство активно жертвовало предметы церковного обихода на нужды церквей и монастырей (особенно, расположенных на форпостах русской колонизации — в Сибири и прочих «далних заочных украинных государевых вотчинах»), а всякое казённое пожертвование делалось от лица царя — как «государево пожалованье». «Царские» вклады оформлялись в 1670 году через личную канцелярию монарха — Приказ Тайных дел.

Для получения «государева пожалованья» нужно было написать на имя царя челобитную и в ней обосновать необходимость вспомоществования — обычно челобитчики (священники и миряне той или иной церкви) не скупались живописать «храмовую скудость» своего прихода, нередко, как это было принято в прошеннях, сгущая краски. Челобитная, как правило, подавалась местным воеводам. Те, в свою очередь, писали в Москву официальную отписку, в которой в общих чертах излагали суть челобитной (этим местные власти своим авторитетом подтверждали насущность прошения). Оригинал челобитной подклеивался под отпи-

ску и вместе с ней отсылался в Москву. Поскольку речь шла о расходах из казны, в столице вопрос о «государевом пожаловании» чаще всего решался не формально — «от государева имени», а самим монархом. На основе воеводской отписки и челобитной составлялась выписка «в доклад», которая зачитывалась перед царём. Если в прошении речь шла о церковных книгах и государь «жаловал», их старались выдать непосредственно с Печатного двора. В случае, когда книг необходимых наименований там не было, то они покупались на казённые деньги у книготорговцев (обычно в Москве книжной продажей занимались торговые люди Овощного ряда и Кадашевской слободы).

Русские церкви, как известно, делились в то время на «ружные» и «мирские». «Ружные» строились казной и находились на государственном обеспечении — их клир (священники и диаконы) и, реже, церковнослужители (пономари, дьячки и просвирницы) получали фиксированный денежный и хлебный оклад («ругу»), а церковное имущество по большей части было казённым — «государевым». «Мирские» же возводились и содержались на деньги прихожан³. «Государево пожалованье» могли получать и «ружные» и «мирские» храмы, однако, предпочтение при выдаче казённых субсидий отдавалось «ружным»⁴. Поскольку верхотурская соборная Троицкая церковь с приделами во имя Рождества Христова и св. Феодора Стратилата относилась к числу «ружных», то её священники и прихожане имели приоритетное право при необходимости «челобитовать» в Москву о «государевом пожаловании».

Деревянные русские города в XVII в., как известно, горели часто. Не исключение в их ряду и Верхотурье. В 1658 году в результате очередного пожара почти половина города выгорела. Пострадавший в огне Троицкий собор был заново отстроен, но длительное время стоял «без пения»⁵. Надо полагать, в связи с пожарными утратами, нужда собора в книгах и прочих предметах церковного обихода в 60-х гг. XVII столетия была немалая.

Теперь вернёмся к рассматриваемой маргиналии. Как отмечалось выше, её завершает приписка: «Пр[и п]р[о]т[опо]пе тоя святыя церкви ...].». Имя протопопа не читается — тщательно вытерто. Однако мы можем его назвать. К моменту присылки

в Верхотурье «царской» книги — в 7179 (1670/71) году старшим священником («протопопом») Троицкого собора был Иван Михайлов⁶. Именно он — протопоп Иван Михайлов, в 1670 году ездил в Москву «бить челом» государю о церковных нуждах собора. Надо полагать, что отправиться в путешествие его подвигли следующие соображения. Собственноручная подача в Москве челобитной о «государевом пожаловании» — вариант всегда более предпочтительный, нежели отсылка туда прошения с официальной воеводской почтой, или с иной «оказией». Личное присутствие протопопа Ивана в столице давало, к тому же, возможность быть информированным о хождении челобитной по бюрократическим инстанциям, следить за всеми этапами процедуры «государева пожалования». Если же на одном из этих этапов могла случиться какая-либо непредвиденная заминка⁷, то пребывание И. Михайлова в Москве, в центре событий, предоставляло ему шанс в случае необходимости, реально содействовать («посулом»-взяткой, повторной челобитной и т. п.) благополучному исходу дел.

В Тобольском филиале Государственного архива Тюменской области хранится Синодик Верхотурского Троицкого собора. Рукопись озаглавлена: «Сия книга, глаголемая Родителской помянник, еже есть церковный Синодик сибирского города Верхотурья соборныя церкви Пресвятыя и Живоначалныя Троицы. Строен во 178-м (1670) году протопопом Иваном Михайловым в царствующем граде Москве»⁸. Предваряет в рукописи статьи родовых помянников особая церковная служба — общий (соборный) чин поминания с чтением «вечной памяти» умершим патриархам, царям, царицам, царевичам и царевнам: «Помяни Господи души усопших рабов твоих и рабынь еже от Твоея руки созданнаго перваго человека прадеда нашего Адама и его подруги прабабы нашея Евы»⁹. Так как в Соборно-чинном Синодике поминались члены царской семьи, он имел немалое политическое значение и неоднократно редактировался «на Москве» — вносились имена «новопреставльшихся», менялась последовательность некоторых чтений и т. п. Эта церковная служба с внесенными в неё новейшими изменениями «московского перевода» пользовалась большим спросом, особенно на окраинах Русского государства (и Сибирь в этом смысле не исключение)¹⁰, что и подвигло Ивана Михайло-

ва, пользуясь своим пребыванием в столице, списать самый современный её вариант. Текст службы выполнен красивым, почти не отличимым от шрифта книг московской печати полууставом, и украшен киноварными заголовком (вязь) и инициалом. Предшествует тексту орнаментальная старопечатного стиля заставка. Боковое поле листа украшено кустодой-«ветвью». Возможно, что заставку и другие элементы украшения синодика протопопу Ивану помогли выполнить¹¹. Однако красивый, похожий на старопечатный шрифт полуустав, несомненно, принадлежит руке Ивана Михайлова. Тем же почерком в начатый «на Москве» Синодик позднее вписаны статьи родовых помянников воевод и дьяков, управлявших различными сибирскими городами и острогами в 30-х — 70-х гг. XVII века, подъячих, верхотурских и тобольских детей боярских, стрельцов, посадских людей. Некоторые статьи, надо думать, были переписаны, вернувшимся из Москвы в Верхотурье И. Михайловым со старых родовых помянников Троицкого собора.

Относительно тех помянников, которые были вписаны в книгу И. Михайловым ещё в столице, то они представляют для историка особый интерес. В известной степени, Троицкий Синодик, как источник уникален — в нём можно видеть своеобразную «записную книжку» протопопа из сибирского города позднего русского средневековья, оказавшегося на некоторое время «в царствующем граде Москве». Только записаны в ней не телефоны и адреса, а родовые помянники москвичей. По «московским» помянникам в рукописи прослеживаются все этапы и перипетии столичной командировки И. Михайлова. Оформление поминальных статей Синодика подсказывает, какие из них внёс протоиерей Иван в книгу первыми. Особо торжественно, с предваряющими текст орнаментальными, выполненными в старопечатном стиле инициалами, внесены роды подъячих Приказа Тайных дел Андрея Лентьева Чёрного и его коллеги Артемия Евстафьева Степанова¹². По каким-то делам побывал «на Москве» верхотурский протопоп в Аптекарском приказе. В Синодике отмечен «Род «думного диак Лукиана Тимофеевича Голосова» (он в 1669/70 – 1671/72 гг. был главным делопроизводителем Аптекарского приказа)¹³. Кроме рода Л. Т. Голосова в рукописи отмечен род ещё одного сотрудника этого приказа — «Обтекарские полаты лекаря Ортемья

Назарьева»¹⁴. Вписаны в Синодик и роды «Сибирского приказу подьячего Василья Корнилова»¹⁵, «москвитян» торговых людей Меркурия Лукьянова, Дмитрия Александра, Матвея Васильева Кадашевца¹⁶. Вероятно, все эти новые московские «знакомцы» протопопа прониклись к нему участием и, в разной степени, оказывали содействие в деле приобретения «царских» книг и быстро, «безволокитно» оформлении необходимых бумаг для их вывоза в Сибирь.

Столичная командировка верхотурского протопопа завершилась триумфально. В начале 1671 года Иван возвратился в родные пенаты с ценным грузом — привёз для Троицкого собора целых 17 печатных книг «государева пожалованья». В этот комплект входили: «Два Евангелия на престолные без евангелистов, Евангелие толковое неделное, Псалтырь со следованием, Псалтырь малая, Апостол, две книги Охтаев, Минея общая, Потребник, два Службника, Ефрем Сирин, два Часослова, Триоди постная да цветная»¹⁷. Упомянутое среди привезенных Иваном Михайловым книг «Евангелие толковое неделное» и есть дошедшее до наших дней в составе коллекции ЛАИ УрГУ Учительное Евангелие с вкладной записью выполненной от имени царя Алексея Михайловича.

Р. С. В 1674 году в Верхотурье занялась огнем «винокурня» во дворе крестьянина С. Исаева. От нее «погорели» все строения в центре города вместе с Троицким собором¹⁸. Возможно, верхотурцам удалось спасти церковное имущество (иконы, ризы, книги) Троицкого собора. Привыкшие к частым пожарам жители русских средневековых городов имели немалый опыт действий в «сполошное время». О том, что, по крайней мере, какая-то часть соборной утвари от пламени уцелела, свидетельствует эта, сохранившаяся в библиотеке Уральского университета «царская» книга.

---

¹В настоящее время нами (совместно с А. В. Полетаевым) проводится работа по введению в научный оборот маргиналий, сохранившихся на старопечатных книгах XVI–XVII вв. из собрания ЛАИ УрГУ. Итогами данной работы должны стать каталогизация записей на книгах означенной хронологии и выпуск их полного корпуса.

²ЛАИ УрГУ. XV. 3п/2044. ЛЛ. 1–16, 17–20 втор. счёта (см.: Путеводитель по фондам старопечатных книг и рукописей лаборатории археографических исследований / сост. А. В. Полетаев. Свердловск, 1990. С. 65; Памятники ли-

тературы и письменности крестьянства Зауралья. Т. 1. Вып. 1 / сост. А. Т. Шашков, В. И. Байдин. Свердловск, 1991. С. 215–216).

³С известными оговорками в эту группу можно включить и т. н. «домовые» (при дворах крупных вотчинников) храмы, ибо они так же строились не казной, а на средства частных донаторов.

⁴Так, например, в 1626 году енисейцы жаловались Михаилу Фёдоровичу, что в новом остроге в обеих енисейских церквях, в «государевом богомолье» во имя Введения Пречистой Богородицы и в мирском («обетном») храме, поставленном служилыми людьми на свои средства во имя «государева ангела Михаила Малеина», не хватает образов, книг и «всякого церковного строенья». Царь, «слушав» выписку «в доклад», сделанную на основании отписки енисейского воеводы А. Л. Ошанина по этому делу, «указал» закупить и послать в Енисейск необходимые предметы церковного обихода. Посылаемое в Сибирь «церковное строенье» предназначалось только «государеву богомолью», ибо «которой храм обетной поставили служилые люди собою — тот храм государь указал им и строить собою» (см.: Оглоблин Н. Н. Бытовые черты XVII века // Русская старина. 1892. № 6. С. 684).

⁵См.: Шашков А. Т. Материалы для изучения церковно-монастырских библиотек Урала и Сибири XVII — начала XVIII вв. // Книжные собрания российской провинции : проблемы реконструкции. Екатеринбург, 1994. С. 76.

⁶«Двор соборного протопопа Ивана — дворовому месту длиннику десять сажень, поперег восемь сажень», который стоял «в городе» (в пределах крепостных стен) вторым по счёту «от Крестоникольские башни» фиксирует верхотурская переписная и перемерная книга 1670 г. Были у И. Михайлова и документы на право владения этой усадьбой — закладная запись «соборново ж попа Тимофея» (РГБ. Ф. 218 (Собрания Отдела рукописей) № 547. Л. 4–4 об.). Согласно материалов верхотурской именной денежной книги за 1671/72 г., в которой перечислялись все городские «ружники, оброчники и служилые люди», получающие «государево жалование», протопоп Троицкой церкви Иван Михайлов записан с годовым окладом размером в 12 рублей (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 549. Л. 266). В аналогичной книге за 1678/79 гг. он обозначен с тем же окладом (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 585. Л. 104; Кн. 656. Л. 118). Кроме денег протоиерей получал из верхотурских «государевых житниц» хлебное жалование размером по 15 четвертей ржи и овса, а так же 7 пудов соли в год (Там же. Л. 253).

⁷В московском делопроизводстве XVII в. были случаи, когда та или иная бумага «утеривалась», даже на конечном этапе своего канцелярского хождения — «у печати» (см. напр.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 162. Л. 369). Более того, из Москвы по различным причинам могли прислать отнюдь не то, что просили челобитчики. Например, в 1601 г. верхотурские администраторы — воевода князь М. Д. Львов и письменный голова У. В. Новосильцев, жаловались в отписке Борису Годуну, что «на Верхотурье у Живоначальной

Троицы и у Федора Стратилата нет книг: Трефолюя, Минеи месячные, да Евангелия толкового, да Пролога». В ответ на их просьбу из Москвы была прислана только одна книга, притом такая, о которой в верхотурской отписке даже не упоминалось — «Минея общая печатная» (см.: Миллер Г. Ф. История Сибири. М. ; Л., 1937. Т. 1. С. 404 ; Шашков А. Т. Указ. соч. С. 76).

⁸ТФ ГАТюМО. Собр. рукописных книг. № 82. Л. 1.

⁹Там же. Л. 2. О классификации синодиков см.: Конев С. В. Синодология. Ч. I : Классификация источников // Историческая генеалогия. Вып. 1. Екатеринбург, 1993. С. 7–15.

¹⁰Так, в 1643 году «бывший игумен» Тарского Спасского монастыря Исайя, «положил» в родную обитель «общую Минею московскую печать с Трефолюем, трефолюйных 36 праздников и часов царския ... да Сянадит (так Синодик. — Е. П.)». «Сянадит», как особо подчеркивал Исайя, был «московского переводу» — т. е. отредактированный «на Москве» (см.: Путеводитель по фондам старопечатных книг и рукописей лаборатории археографических исследований. С. 47).

¹¹В некоторых московских приказах имелся штат нарочитых иллюминаторов-мастеров книжного убранства (золотописцев, «травников», «личников» и т. п.). Да и в местах московской книжной торговли были специалисты, которые на заказ за умеренную плату украшали книжные листы.

¹²Там же. Л. 77 об.-78. О службе этих подьячих см.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1974. С. 490–491, 565.

¹³ТФ ГАТюМО. Собр. рукописных книг. № 82. Л. 43 ; Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 123.

¹⁴ТФ ГАТюМО. Собр. рукописных книг. № 82. Л. 49 об.

¹⁵Там же. Л. 46 об. В. Корнилов служил в Сибирском приказе в 1664–1675 гг. (см.: Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 262).

¹⁶ТФ ГАТюМО. Собр. рукописных книг. № 82. Л. 78 об.-79.

¹⁷См.: Шашков А. Т. Указ. соч. С. 76.

¹⁸Там же. С. 76.

¹⁹Так, например, 8 июня 1621 году «Пелымский город» во время страшного пожара «выгорел весь». Однако церковную утварь соборной церкви Рождества Христова и св. Николая Мирликийского горожанам удалось вытащить из огня (по крайней мере, казённую — «жалованье» царя Фёдора Ивановича, которое в 1593 году привёз с собой в город ещё его основатель и первый воевода князь П. И. Горчаков). Среди спасённого имущества были не только «книги и ризы», но и довольно громоздкие вещи — «месные» и «напрестольная» иконы, «двои двери царские», иконостас «Деисус» и даже колокола. Вся эта церковная утварь фиксировалась дозорной книгой Пельма и Пелымского уезда 1625 году уже в новом, выстроенном взамен сгоревшего, городском Рождественско-Никольском соборе (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 274 об.-275).